

УДК 321(479.2/575)

БЕРЕЗЮК Дмитрий Иванович,

аспирант кафедры философии и социологии

E-mail: electroclash@bk.ru

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва, Россия

КЛЯШТОРИН Александр Алексеевич,

аспирант кафедры философии и социологии

E-mail: KI31@yandex.ru

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье осуществляется компаративный анализ политических механизмов и основополагающих конституционных принципов функционирования института президентства в постсоветских республиках Кавказа и Средней Азии. По мнению авторов, в Грузии и Армении институт президентства эволюционирует в сторону ослабления, что неизбежно влечет за собой повышение роли парламента и кабинета министров в политическом процессе. Азербайджан, Туркмения, Узбекистан и Таджикистан идут по пути формирования персоналистских политических режимов. Президенты указанных стран обладают не только широким спектром формальных полномочий, но и неформальными политическими ресурсами, которые позволяют им править бессрочно и передавать власть по наследству своим потомкам. Особняком стоят Казахстан и Киргизия. Первая страна олицетворяет собой пример успешной институционализации президентского правления. Казахстан выступает одним из немногих государств постсоветского пространства, где состоялся планомерный и цивилизованный транзит президентской власти. При этом политическая система осталась стабильной. Принципиально иначе развивается ситуация в Киргизии, где за последние несколько лет произошла целая череда государственных переворотов. В этой стране есть президент, но институт президентства, де-факто, отсутствует.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Кавказ, Средняя Азия, институт президентства, президент, парламент, правительство, политическая система.

Для цитирования: Березюк Д. И., Кляшторин А. А. Эволюция института президентства в постсоветских республиках Закавказья и Центральной Азии // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2021. — № 2 (51). — С. 53–61. DOI: 10.47598/2078-9025-2021-2-51-53-61

На постсоветском пространстве вот уже почти 30 лет формируются институциональные контуры политических систем бывших республик СССР. Некоторые страны смогли установить достаточно стабильные режимы, но подавляющее большинство пребывает в состоянии затянувшейся трансформации. Цель настоящей статьи заключается в проведении компаративного анализа политических механизмов и основополагающих конституционных принципов функционирования института пре-

зидентства в постсоветских республиках Кавказа и Средней Азии. Теоретической основой исследования послужили научные труды, посвященные проблемам функционирования института президентства [9], легитимации верховной власти [10], особенностям проведения выборов глав государств на постсоветском пространстве [14].

В первую очередь отметим, что страны, относящиеся к вышеуказанным регионам, имеют ярко выраженную национально-культур-

ную специфику, которая детерминирует их политическую идентичность. Во-вторых, все они, в той или иной степени, испытывают социально-экономические трудности, характерные для всех бывших республик СССР. В-третьих, государства Закавказья и Средней Азии в своем политическом развитии ориентируются на некие эталонные образцы, в качестве которых выступают не только западные демократии, но и восточные деспотии.

Ближе всех к западноевропейской модели реализации политической власти подошла Грузия, вставшая на путь либеральных реформ. В 2010 году радикальным образом изменилось конституционное устройство Грузии, что ознаменовало собой переход от президентской к парламентско-президентской республике. Поправки к Конституции были приняты по инициативе оппозиции, которая всегда жестко критиковала главу государства за сохранение большого объема полномочий и констатировала очевидный дисбаланс полномочий во взаимоотношениях президента и парламента страны. Изменения в Основном закон были запланированы М. Саакашвили еще осенью 2008 г. В качестве их главной цели декларировались демократизация и либерализация политической системы Грузии. При этом существенно повышалась вероятность возникновения кризисных ситуаций, поскольку всенародно избираемый президент сохранял за собой весьма ограниченный круг полномочий. Иными словами, получая свой мандат на управление страной непосредственно от граждан, он не мог использовать его для реализации собственных инициатив.

В соответствии с поправками к Конституции Грузии 2010 года, значительно сократились полномочия президента, тогда как объем полномочий председателя правительства и парламента увеличился. Президент фактически прекратил быть главой исполнительной власти. Назначая премьер-министра, он обязан принимать во внимание партийный состав высшего коллегиального органа законодательной власти и предлагать кандидатуру на соответствующий пост только из числа представителей победившей партии. В свою очередь, премьер-министр обладает необходимыми полномочиями для назначения мини-

стров социально-экономического и силового блоков [3].

Правительство Грузии после реформы превратилось в орган, отвечающий за реализацию внутренней и внешней политики страны. Парламент получил исключительное право формировать состав кабинета министров. В Конституции появилась норма, согласно которой, если у парламента с двух последовательных попыток не получается утвердить состав правительства, то президент страны сам представляет депутатам претендента на этот пост. Внеочередные парламентские выборы могут быть назначены лишь после третьей неудачной попытки формирования кабинета министров. Вето президента на тот или иной законопроект может быть преодолено 50% голосов депутатов парламента (до реформы для этого требовалось 60%). Президент потерял ранее принадлежавшее ему право самостоятельно назначать губернаторов (теперь их назначает кабинет министров). Значительная доля нормативных актов, выпускаемых президентом, подвергается обязательной контрасигнации со стороны главы правительства. Наконец, президент лишается права законодательской инициативы на уровне парламента.

Президент Грузии даже после череды либеральных реформ смог сохранить статус верховного главнокомандующего вооруженными силами. Он остался во главе Совета национальной безопасности, сохранил за собой право назначать трех судей Конституционного суда. Он обладает статусом арбитра при назначении председателя правительства в том случае, если законодатели не могут определиться с данным кадровым решением, и ни одна парламентская фракция не вносит на обсуждение кандидатуру премьер-министра. Примечательно, что после конституционной реформы дислокация парламента и правительства была перенесена из г. Тбилиси в г. Кутаиси, что на символическом уровне подчеркнуло независимость органов законодательной власти от фигуры президента.

Конституционные поправки ознаменовали собой переход Грузии к парламентско-президентской форме правления, в рамках которой реальным главой государства стал председатель кабинета министров. Полагаем, что это

было связано с личными политическими амбициями М. Саакашвили, который намеревался на долгие годы занять пост премьер-министра, однако его планам не суждено было сбыться. В ходе парламентских выборов 2012 года победу одержал оппозиционный союз партий «Демократическая Грузия — Грузинская мечта», который сформировал новое правительство. Через год сменился и президент страны. Таким образом, М. Саакашвили создал некоторые предпосылки для либерализации политической системы Грузии, однако инициированные им же самими реформы привели к его политическому падению. В современной Грузии отношения правительства и парламента основываются на однопартийном сотрудничестве, тогда как политический вес президента стремится к минимальному значению.

Нечто похожее произошло и в *Армении*, где после конституционных преобразований 2015 года установилась парламентская форма правления. В соответствии с обновленной редакцией Конституции Республики Армения, президент потерял ключевые властные полномочия, которые перешли от него к правительству [2]. Он сохранил за собой статус главы государства, но прямые выборы президента были упразднены. Глава государства в Армении теперь избирается Национальным Собранием (парламентом) на один срок. За реализацию внутренней и внешней политики отвечает кабинет министров. Ему же подчиняются вооруженные силы. Правительство, в свою очередь, формируется партией, одержавшей победу на выборах в парламент, а президенту остается лишь официально утвердить в должности кандидатуру, представленную парламентским большинством на пост премьер-министра. В том случае, если высший орган законодательной власти отказывается в одобрении стратегии правительства или не предлагает ни одного кандидата на должность премьер-министра, то происходит роспуск парламента. Однако право роспуска у президента по закону отсутствует. Он не обладает ни правом вето, ни правом законодательной инициативы (т. е. не может предлагать или блокировать проекты законов).

В результате конституционной реформы в Армении должно было сформироваться пра-

вительство во главе с премьер-министром, который планировал сосредоточить всю полноту власти в своих руках. Институт президентства в этой стране стал еще слабее, чем в случае Грузии после 2013 года. Для реализации намеченного сценария правящей элите требовалась уверенная победа ее партии на парламентских выборах. Однако в 2018 году, как и в Грузии, планы президента-инициатора реформы провалились. Решение С. Саргсяна выдвинуться на пост главы кабинета министров с возможностью его бессрочного удержания встретило жесткий отпор со стороны общества и оппозиционных сил. После непродолжительных массовых волнений правительство С. Саргсяна было вынуждено уйти в отставку. Под давлением протестующих парламент утвердил на посту премьер-министра единственного кандидата — Н. Пашиняна. Таким образом, можно заключить, что Армения и Грузия сделали идентичные шаги в направлении практически полного нивелирования властных полномочий президента.

Принципиально иначе складывалась ситуация в *Азербайджане*. В отличие от Грузии и Армении, в постсоветском Азербайджане быстро сформировался персоналистский президентский режим, ассоциирующийся с семьей Алиевых. При этом неформальные факторы оказались более весомыми, нежели институциональные. С момента распада СССР в Конституцию Азербайджана несколько раз вносились поправки, касающиеся полномочий и процедуры избрания президента данной страны. Так, по итогам референдума 2016 года президент обрел возможность распускать парламент в том случае, если Меджлис два раза в течение одного года выражает вотум недоверия правительству или не может утвердить в должности определенное количество судей Верховного суда. Возможность роспуска высшего органа законодательной власти предусмотрена на случай неисполнения парламентом его конституционных полномочий. Данная норма может быть трактована весьма широко (конкретные причины роспуска Меджлиса в ней не указаны). Поправки также упразднили нижний возрастной порог для кандидата в президенты (ранее он составлял 35 лет) и продлили срок полномочий главы государства до 7 лет [1].

Уникальность политической системы Азербайджана заключается в том, что в этой стране есть институт вице-президентства. В частности, первый вице-президент может исполнять функции главы государства в случае его отставки или отстранения от должности. Весьма характерно, что с 2017 года этот важный пост занимает супруга И. Алиева. Конкретный круг ее полномочий четко не регламентирован, однако, мы полагаем, что главная функция вице-президента заключается в стабилизации политической системы и обеспечении преемственности власти. Азербайджан остался единственной республикой Закавказья, где в полной мере сохранилась президентская форма правления. Глава государства обладает широким объемом конституционных полномочий и большим неформальным «политическим весом». Существуют все предпосылки для дальнейшей передачи президентского поста по наследству в рамках одной семьи. Успехи президента И. Алиева на Карабахском направлении способствовали росту его политического капитала и популярности среди населения страны.

В *Средней Азии*, как и на Кавказе, невозможно выделить одну модель или некий базовый сценарий, в рамках которого происходит развитие института президентства. В некоторых странах сформировались персоналистские режимы, характеризующиеся несменяемостью власти, а где-то уже произошел транзит полномочий от постсоветских элит к новому демократическому руководству. Так, в *Казахстане* лидер нации, основатель государства Н. Назарбаев уступил свой пост более молодому преемнику, сохранив за собой ряд символических должностей и контроль над силовым блоком. В 2007 году в казахскую Конституцию внесли ряд важнейших поправок, касающихся полномочий главы государства: президент получил право выступать с законодательными инициативами, а также распускать парламент страны после совершения процедуры предварительных консультаций с председателями обеих парламентских палат и главой кабинета министров. Из Основного закона Казахстана убраны конкретные основания для роспуска высших законодательных органов, что существенно повышает президентскую власть. В то же время, кандидатура председателя прави-

тельства вносится президентом на утверждение в Мажилис лишь только после совершения консультаций с фракциями парламентских политических партий, представленных там.

В 2017 году по инициативе президента в Конституцию был внесен блок поправок (без референдума), предопределивших сценарий транзита власти. Н. Назарбаев получил возможность, покинув свой прежний пост, пожизненно возглавить Совет безопасности — орган, контролирующий и координирующий деятельность силовых ведомств. Конституционный суд подтвердил законность этой новеллы в 2018 году. Таким образом, возникли предпосылки для двоевластия: президент страны отвечает за реализацию социально-экономической политики, а глава Совета безопасности — контролирует армию и силовые структуры [4]. Как показала практика, политическая система Казахстана успешно справилась с данным вызовом, и серьезных конфликтов между действующим главой государства и Н. Назарбаевым не возникло. Задуманная первым президентом страны модель транзита оказалась успешной. Намечалась тенденция к демократизации и росту влияния парламента, что позитивно сказалось на состоянии экономики Казахстана. В конечном итоге там сложилась уникальная система властвования с доминирующей партией, возглавляемой президентом.

В *Узбекистане* в 2011 году был принят пакет конституционных поправок, направленных на углубления демократических реформ и стимулирование развития гражданского общества. Их цель заключалась в балансировке полномочий главы государства, парламента и правительства, а также в усилении влияния политических партий. Закон установил, что правительство должно нести ответственность как перед президентом страны, так и перед парламентом — Мажлисом. Кандидатура премьер-министра, согласно поправкам 2011 года, утверждается партией, одержавшей победу на выборах депутатов Законодательной палаты Мажлиса, либо сразу несколькими партиями, которые получили равное наибольшее число депутатских мандатов. Кандидатуру на пост премьер-министра в парламент по-прежнему вносит глава государства. При этом было официально введено понятие «вотум недоверия правительству»,

который влечет за собой отставку всего кабинета министров. Соответствующий вопрос о выражении вотума недоверия правительству вносятся на рассмотрение депутаты Мажлиса, в количестве не менее трети от их совокупного числа. Президент может самостоятельно назначить исполняющего обязанности премьер-министра, если парламент дважды отклоняет предложенные кандидатуры.

Три года спустя в Конституцию Узбекистана опять были внесены изменения, которые обязали премьер-министра представлять в Мажлис программу долгосрочного развития страны в ходе формирования персонального состава правительства. Парламент получил дополнительные инструменты контроля над деятельностью исполнительной власти. Тем не менее Узбекистану так и не удалось стать правовым государством, где формальные институты играют главенствующую роль. Несмотря на ряд передовых, прогрессивных положений, закрепленных в Конституции, страна остается во власти разного рода неформальных практик. Как и в ряде других стран постсоветского пространства, там процветает nepотизм и теневой лоббизм [11–12]. Политические реформы, де-факто, носили имитационный характер. Продекларированное изменение модели правления в сторону парламентской демократии несколько не отразилось на состоянии политической системы страны, центральным элементом которой по-прежнему является президент. С момента конституционной реформы глава правительства не менялся ни разу, даже несмотря на то, что на выборах в Мажлис побеждали разные партии. Имитационная оппозиция, образовавшаяся внутри парламента, была сформирована самой правящей элитой и осталась проводником ее интересов. Институты, предполагающие вынесение вотума недоверия правительству, демократические инициативы по выдвижению премьер-министра, процедура роспуска парламента, наложение вето одной палаты на законодательные инициативы другой — все эти конституционные новеллы не были воплощены в жизнь [8].

Ключевым субъектом принятия судьбоносных политических решений в Узбекистане до сих пор остается президент и его администрация, а институциональной и кадровой опорой

режима выступает Совет национальной безопасности. Реформы, очевидно, задумывались для обеспечения транзита власти от И. Каримова к потенциальному преемнику. Стимулом для их проведения послужила череда «цветных революций», охвативших постсоветское пространство. Имело место и желание произвести позитивное впечатление на Западных партнеров. Едва ли это удалось, ведь в Узбекистане до сих пор не существует легальной внепарламентской оппозиции, а все парламентские партии напрямую контролируются президентской администрацией. Вполне закономерно, что количество мандатов, получаемых партиями по итогам очередных выборов, несколько не влияет на политический курс страны. Президент при этом формально остается беспартийным. В целом, развитие президентства в Узбекистане характеризуется наличием существенного разрыва между формальными и неформальными институтами. Партии так и не стали полноценными субъектами политического процесса, а ключевые решения принимаются теневым образом.

Наиболее тяжелые потрясения и преобразования пережил институт президентства в *Киргизии*, где за последние 15 лет произошла целая череда государственных переворотов, каждый из которых сопровождался правкой Конституции. Неоднократно реализовывались попытки зарубежного вмешательства в киргизские выборы и иные внутривнутриполитические процессы [13]. Отчасти это связано с отсутствием в киргизской политике некоего «доминирующего актора». Власть постоянно вынуждена искать компромиссные стратегии, отражающие интересы Севера и Юга, правящих и оппозиционных кругов, элиты и контрэлитных группировок. По Конституции 1993 года президент страны получил статус главы государства. Он должен был избираться на 5 лет не более двух сроков подряд. Среди ключевых полномочий Президента можно выделить назначение председателя правительства с согласия парламента; утверждение по представлению премьер-министра и с согласия парламента состава кабинета министров; освобождение членов правительства от занимаемых ими должностей; досрочный роспуск правительства с согласия парламента;

назначение Генпрокурора и главы Национального Банка.

В 1996 году Конституция Киргизии подверглась правке. Парламент стал двухпалатным, а его полномочия существенно сократились. Он был полностью дистанцирован от процесса формирования правительства страны. Через два года был проведен очередной референдум, по итогам которого в Конституцию были внесены поправки, поспособствовавшие дальнейшему ослаблению власти парламента и политическому возвышению президента. Так, поменялся численный состав обеих парламентских палат и упразднилось положение о временной депутатской неприкосновенности. Летом 2010 г. в Киргизии вновь прошел референдум, на котором была утверждена новая редакция Конституции, закрепившая на институциональном уровне модель сбалансированной полупрезидентской республики.

Согласно внесенным поправкам, президент Кыргызстана получил право назначать исключительно министров силового блока, а остальных членов кабинета министров должен был утверждать парламент. Кроме того, появилась норма, согласно которой одно и то же лицо не может быть избранным на высший пост дважды. Парламент получил право утверждать стратегические документы правительства и выражать недоверие кабинету министров. Если за трехмесячный период правительству дважды выносятся вотум недоверия, то оно автоматически распускается [5].

Модель взаимоотношений президента и парламента в Киргизии постоянно меняется. В период с 1990 по 1995 гг. имела место конфронтационная модель без наличия одной доминирующей партии. После изменения правил формирования парламента с 2000 года она поменялась на модель с парламентом, фактически подконтрольным президенту страны. При этом в парламенте не было явно доминирующей партии. В 2005 году подобную партию попытались создать, однако все закончилось насильственной сменой власти. Пришедшая к власти оппозиция в 2007 году реализовала модель подконтрольного президенту парламента, где доминировала одна партия. Через три года произошел очередной переворот. После него в парламенте не осталось доминирую-

щих партий, а взаимодействие органов законодательной власти с президентом приобрело более демократичный характер. Более того, выйдя из-под контроля президента, парламент начал конфликтовать с главой государства, в результате чего в стране произошли очередные потрясения. После государственного переворота 2020 года в Киргизии вновь была анонсирована конституционная реформа, направленная на либерализацию политической системы. На данный момент пока нет возможности оценить ее итоги.

Наличие в Киргизии конституционных норм, регламентирующих деятельность президента, не означает, что соответствующий институт власти в полной мере сложился, оформился и получил нормативное закрепление. В стране произошла серия государственных переворотов. Киргизское общество до сих пор остается расколотым. После каждой насильственной смены власти Конституция правится под цели и задачи победителя. С учетом сложной социально-экономической ситуации и наличия неразрешимых внутривнутриполитических противоречий можно предположить, что «цветная революция» в Киргизии может произойти в любой момент (и не одна). Иными словами, обстановка в этой стране не благоприятствует институционализации той или иной модели реализации президентской власти.

Таджикистан, где текущая социально-экономическая ситуация также оставляет желать лучшего, выглядит гораздо более стабильным, с политической точки зрения, государством. Почти 20 лет назад правящей силой в этой стране стала Народная Демократическая партия (НДПТ). Ее выдвигенец — Э. Рахмон на данный момент является президентом. Выступая аналогом советских партийных структур, НДПТ имеет более 4 тыс. первичных организаций и более 300 тыс. членов. Не удивительно, что она тотально доминирует в парламенте с огромным преимуществом по количеству мандатов. Деятельность оппозиции не оказывает реального влияния на процесс управления Таджикистаном. Политическая власть консолидирована в руках Э. Рахмона, а правящая партия выступает институциональной опорой главы государства. Она консолидирует элитные группы и способствует преодолению регионализма.

С большой долей вероятности можно констатировать, что в Таджикистане сложилась модель властвования, в центре которой находится президент, опирающийся на правящую партию. Более того, парламент страны наделил Э. Рахмона уникальным статусом «Основателя мира и национального единства — Лидера нации». В 2016 году в стране был проведен референдум, целью которого было устранение формально-юридических препятствий, мешающих действующему президенту Таджикистана оставаться у власти бессрочно. Более 95 % граждан страны поддержали соответствующие поправки. С одной стороны, теперь в Конституции Таджикистана содержится жесткая норма, согласно которой одно и то же лицо не может занимать президентский пост более двух сроков подряд. С другой стороны, в Основном законе содержится оговорка о том, что эти ограничения не распространяются на «Основателя мира и национального единства — Лидера нации» [6]. В 2020 году Э. Рахмон в очередной раз был избран на пост президента страны сроком на 7 лет.

Аналогичная модель реализации президентской власти сложилась в *Туркменистане*, где фигура действующего президента носит культовый характер. С самого начала постсоветской истории этой страны там возникла модель однопартийной системы и однопартийного парламента (Меджлиса). Разумеется, это привело к установлению абсолютной подконтрольности парламента и минимизации его значения в системе институтов государственной власти. На данный момент формальным лидером Демократической партии Туркменистана (ДПТ) является — А. Сердаров. Однако фактически ее возглавляет президент, который при этом старается подчеркивать свой партийный нейтралитет. ДПТ выполняет мобилизационную функцию, но вся реальная власть сосредоточена в руках главы государства. Таким образом, взаимоотношения президента и парламента характеризуются тотальным доминированием первого над вторым. При этом парламент никогда не подвергался досрочному роспуску или самороспуску.

К настоящему моменту партийная система Туркменистана приобрела более вариативный характер. Наряду с ДПТ, в Меджлис входят еще

две партии — Аграрная и Промышленная (других легальных партий в Туркменистане не существует). В 2016 году в стране был проведен референдум, по итогам которого конституционные полномочия президента были расширены, а возрастные ограничения для кандидатов на этот пост — убраны. Вероятно, целью конституционной реформы было наделение действующего главы государства возможностью править страной столько, сколько он сам сочтет нужным. В 2020 году в Конституцию Туркменистана были внесены дополнительные поправки, согласно которым должна быть образована еще одна палата парламента — аналог Сената, где прекративший свои обязанности президент может пожизненно занимать почетное место. Не исключено, что целью подобных поправок была подготовка к транзиту власти от действующего главы государства к его сыну, который руководит одним из министерств в Правительстве Туркменистана. Так или иначе, данная страна олицетворяет собой пример реализации модели авторитарного президентского правления, весьма характерной для Азиатского региона [7].

Подводя итоги настоящего исследования, сделаем основные выводы. В постсоветских республиках Закавказья и Средней Азии процесс институционализации президентализма далек от своего завершения. В Грузии и Армении институт президентства эволюционирует в сторону ослабления, что неизбежно влечет за собой повышение роли парламента и кабинета министров в политическом процессе. Азербайджан, Туркмения, Узбекистан и Таджикистан идут по пути формирования персоналистских политических режимов. Президенты указанных стран обладают не только широким спектром формальных полномочий, но и неформальными политическими ресурсами, которые позволяют им править бессрочно и передавать власть по наследству своим потомкам. Особняком стоят Казахстан и Киргизия. Первая страна олицетворяет собой пример успешной институционализации президентского правления. Казахстан выступает одним из немногих государств постсоветского пространства, где состоялся планомерный и цивилизованный транзит президентской власти. При этом политическая система осталась ста-

бильной. Принципиально иначе развивается ситуация в Киргизии, где за последние несколько лет произошла целая череда государственных переворотов. В этой стране есть президент, но институт президентства, де-факто, отсутствует.

Литература

- [1] Конституция Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.president.az/azerbaijan/constitution>
- [2] Конституция Республики Армения [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf
- [3] Конституция Республики Грузия [Электронный ресурс]. — URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36>
- [4] Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution
- [5] Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. — URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru>
- [6] Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — URL: <https://adliya.tj/ru/constitution>
- [7] Конституция Республики Туркменистан [Электронный ресурс]. — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31337929
- [8] Конституция Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. — URL: <https://constitution.uz/ru>
- [9] Ежов Д. А. Институт российского президентства: сценарии эволюции // Власть. — 2012. — № 6. — С. 31–34.
- [10] Ежов Д. А. Проблема легитимации верховной власти в контексте российского политического проекта // Власть. — 2013. — № 1. — С. 87–89.
- [11] Фельдман П. Я. Концептуальные основы лоббистской деятельности в современной России // Международные отношения. — 2014. — № 1. — С. 16–20.
- [12] Фельдман П. Я. Лоббизм в системе социальных и политических институтов современной России // Международные отношения. — 2014. — № 3. — С. 392–397.
- [13] Фельдман П. Я., Федякин А. В., Ежов Д. А. Технологии вмешательства в выборы: научное осмысление в поисках семантической определенности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2019. — № 50. — С. 210–218.
- [14] Электоральные процессы в современном мире / под общ. ред. М. Е. Родионовой, С. Ю. Белоконева, П. С. Селезнева, Д. А. Ежова. — М. : КНОРУС, 2020. — 492 с.

BEREZYUK Dmitry,

*Postgraduate student at the Department of Philosophy and Sociology
E-mail: electroclash@bk.ru
Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia*

KLYASHTORIN Alexander,

*Postgraduate student at the Department of Philosophy and Sociology
E-mail: KI31@yandex.ru
Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia*

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF THE PRESIDENCY IN THE POST-SOVIET REPUBLICS OF TRANSCAUCASIA AND CENTRAL ASIA

The article provides a comparative analysis of the political mechanisms and fundamental constitutional principles of the functioning of the institution of the presidency in the post-Soviet republics of the Caucasus and Central Asia. According to the authors, in Georgia and Armenia, the institution of the presidency is evolving in the direction of weakening, which inevitably leads to an increase in the role of the parliament and the Cabinet of Ministers in the political process. Azerbaijan, Turkmenistan, Uzbekistan and Tajikistan are following the path of forming personalist political regimes. The presidents of these countries have not only a wide range of formal

powers, but also informal political resources that allow them to rule indefinitely and pass power on to their descendants. Kazakhstan and Kyrgyzstan stand apart. The first country represents an example of successful institutionalization of presidential rule. Kazakhstan is one of the few states of the post-Soviet space, where a systematic and civilized transit of presidential power took place. At the same time, the political system remained stable. The situation in Kyrgyzstan is developing in a fundamentally different way, where a whole series of coups has taken place over the past few years. This country has a president, but the institution of the presidency, *de facto*, is absent.

Key words: post-soviet space, Caucasus, Central Asia, institute of the presidency, president, parliament, government, political system.

For citation: Berezyuk D., Klyashtorin A. The evolution of the institution of the presidency in the post-soviet republics of Transcaucasia and Central Asia // *Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. — 2021. — No. 2 (51). — Pp. 53–61. DOI: 10.47598/2078-9025-2021-2-51-53-61

References

- [1] Konstituciya Azerbajdzhanskoj Respubliki [Constitution of the Republic of Azerbaijan] [Electronic resource]. — URL: <https://ru.president.az/azerbaijan/constitution>
- [2] Konstituciya Respubliki Armeniya [The Constitution of the Republic of Armenia] [Electronic resource]. — URL: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf
- [3] Konstituciya Respubliki Gruzija [Constitution of the Republic of Georgia] [Electronic resource]. — URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36>
- [4] Konstituciya Respubliki Kazaxstan [The Constitution of the Republic of Kazakhstan] [Electronic resource]. — URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution
- [5] Konstituciya Ky`rgy`zskoj Respubliki [The Constitution of the Kyrgyz Republic] [Electronic resource]. — URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru>
- [6] Konstituciya Respubliki Tadjikistan [The Constitution of the Republic of Tajikistan] [Electronic resource]. — URL: <https://adliya.tj/ru/constitution>
- [7] Konstituciya Respubliki Turkmenistan [Constitution of the Republic of Turkmenistan] [Electronic resource]. — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31337929
- [8] Konstituciya Respubliki Uzbekistan [The Constitution of the Republic of Uzbekistan] [Electronic resource]. — URL: <https://constitution.uz/ru>
- [9] Yezhov D. A. Institut rossijskogo prezidentstva: scenarii e`voljucii [Institute of Russian Presidency: Scenarios of Evolution] // *Vlast` [Power]*. — 2012. — No. 6. — Pp. 31–34.
- [10] Yezhov D. A. Problema legitimacii verxovnoj vlasti v kontekste rossijskogo politicheskogo proekta [The Problem of Legitimizing the Supreme Power in the Context of the Russian Political Project] // *Vlast` [Power]*. — 2013. — No. 1. — Pp. 87–89.
- [11] Feldman P. Ya. Konceptual`ny`e osnovy` lobbistskoj deyatel`nosti v sovremennoj Rossii [Conceptual Foundations of Lobbying in Modern Russia] // *Mezhdunarodny`e otnosheniya [International Relations]*. — 2014. — No. 1. — Pp. 16–20.
- [12] Feldman P. Ya. Lobbizm v sisteme social`ny`x i politicheskix institutov sovremennoj Rossii [Lobbyism in the System of Social and Political Institutions of Modern Russia] // *Mezhdunarodny`e otnosheniya [International Relations]*. — 2014. — No. 3. — Pp. 392–397.
- [13] Feldman P. Ya., Fedyakin A. V., Yezhov D. A. Texnologii vmeshatel`stva v vy`bory` : nauchnoe osmy`slenie v poiskax semanticheskoi opredelennosti [Technologies of Interference in Elections: Scientific Comprehension in Search of Semantic Certainty] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]*. — 2019. — No. 50. — Pp. 210–218.
- [14] E`lektoral`ny`e processy` v sovremennom mire / pod obshh. red. M. E. Rodionovoj, S. Yu. Belokoneva, P. S. Selezneva, D. A. Ezhova [Electoral Processes in the Modern World / under total ed. by M. E. Rodionova, S. Yu. Belokonev, P. S. Seleznev, D. A. Yezhov]. — Moscow : KNORUS, 2020. — 492 p.